

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА В ПУБЛИЦИСТИКЕ П.Н. ТКАЧЕВА

В. Ю. Меринов

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
merinov@bsu.edu.ru*

В статье продолжается исследование социально-исторической типологии человека в творчестве Петра Никитича Ткачев, народника, видного деятеля революционного движения второй половины XIX века.

Ключевые слова: Ткачев, публицистика, политика, типология.

Данная статья является продолжением исследования социально-исторических типов человека в творчестве яркого отечественного публициста и революционера П. Н. Ткачева [см. 1]. В рамках общей антропологической диады: «дикарь» (иррационально мыслящий), – цивилизованный (рационально, критически мыслящий) человек, в сочинениях П. Н. Ткачева «выстраивается четкая логическая линия представителей (людей), отношений, явлений Прошлого и Будущего» [1]. Представители Прошлого и Будущего разнесены в аксиологическом пространстве на разные полюса (абсолютное Зло и абсолютное Добро) и имеют четкую социально-историческую маркировку. Ранее, мы выявили начало этого типологического ряда в следующих социально-исторических типах: первобытный человек – человек религиозный (его подтипы: церковник и простой верующий) и противостоящий им человек цивилизованный

Следующий тип, представленный в трудах П. Н. Ткачева, это современный «дикарь» – философ-идеалист (подвид теософ). Его антагонист – «здравомыслящий человек», или человек науки. Как и первобытный дикарь, философ – глуп, легковверен, тёмнен. «... Философы весьма тупы и туги на убеждения» – уверен П. Н. Ткачев [2, с. 110]. «Серьезно заниматься философией, – считает П. Н. Ткачев, – может теперь или человек полупомешанный, или человек дурно развитый, или крайне невежественный. К сожалению, в ученых рангах такие люди составляют самое обыкновенное явление» [2, с. 109]. Философия окончательно потеряла свой «кредит» доверия. Почему? А потому, что «В настоящее времяНикто уже не верит в ее шарлатанские обещания, никто не предается ей с тем страстным увлечением, с каким это делалось прежде и с каким еще и теперь сотни тружеников посвящают себя этой ученой эквилибристике» [2, с. 109].

По мнению П.Н. Ткачева, само занятие таким пустым делом как философия не может нравиться «здравомыслящему человеку». Здравомыслящий человек, если и обращает своё внимание на философию, то это делается единственно только для того, только, «... чтобы или посмеяться над ней, или кольнуть» философов «... за их упорную глупость и их удивительное легковверие» [2, с. 109].

Так что же делать с философией и философами? Может оставить их в покое, разрешить тешить ум безделками? Пусть переводчики переводят, к примеру, Гегеля, и вместе с философами «потешаются и набивают себе голову всем, чем угодно, – нам какое дело» [2, с. 110] – спрашивает П. Н. Ткачев. Ответ на этот вопрос вполне вписывается в общую биполярную схему рассуждений в рамках противопоставления вредного Прошлого и прекрасного Будущего. Только «легкомысленным», недалёким людям может показаться, что переводы и авторы философских трактатов «совершенно безвредны». Философы отвлекают людей от действительности, уносят их в безжизненные теоретико-мистические дали. Кроме того, философы «паразиты» общества, они забирают «последние гроши» у чернорабочего, а «... взамен взятых грошей не дают черно-

рабочему ничего, кроме печатных листов, испачканных какими-то глупыми, лишеными человеческого смысла фразами. Разве это не значит платить фальшивыми жетонами за настоящее золото?» – вопрошает П. Н. Ткачев [2, с. 110]. А раз так, то, как считает П.Н. Ткачев, до тех пор, пока есть люди, занимающиеся философией, пишущие и печатающие философские трактаты и рассуждения, «... до тех пор другие, более здравомыслящие люди не должны переставать доказывать этим паразитам, что работа их равняется плевкам в потолок и что подобная эксплуатация человеческой глупости безнравственна и возмутительна» [2, с. 110]. Поэтому, по мнению П.Н. Ткачева, не только не стоит самому заниматься философией, но и тратить время на её исследование, даже с критических позиций. Так, делая рецензию на книгу приверженца позитивистского подхода к философии, западного автора Льюиса «История философии», П. Н. Ткачев упрекает последнего и в излишней, на его взгляд, детализации исследования и даже некоторой увлеченности исследователя своим предметом. «Льюис, по мнению П. Н. Ткачева, – не везде остается строго верным своей цели; ученый дилетантизм часто увлекает его в сторону, и он, ... нередко с умыслом и безо всякой надобности углубляется в непроницаемые дебри философского леса. Бродить по «безысходному лабиринту» философии, видимо, доставляет ему немалое удовольствие. И, читая его «Историю», можно иногда забыть, что ее пишет человек, внутренне убежденный в несостоятельности всякой философии и «не верующий в возможность метафизической достоверности». П.Н. Ткачеву жаль труда и потраченного времени специалиста-исследователя: «... игра не стоила свеч, что нерасчетливо было посвящать несколько лет жизни раскапыванию необъятных куч философского мусора, [накопившихся] в несколько веков» [2, с. 110].

Интерес к философии, считает П. Н. Ткачев, должен стать историческим, антикварным: «Льюис, как я сказал, смотрит на философию так, как следует смотреть на нее всякому трезвому и разумному человеку. Он признает за ней в настоящем только чисто историческое значение, он не верит в ее прогресс, он отрицает ее будущее» [2, с. 111).

Само издание книги, исследующей философские взгляды, оправдано только прагматико-идеологическими задачами, которые поставил перед собою её автор: оказать поддержку общему «... возрастающему пренебрежению к философии и возрастающему предпочтению науки» [2, с. 111]. С учетом этой цели русскому читателю, полагает П. Н. Ткачев, достаточно перевести не весь текст книги. Книга автора, вполне совпадающая со взглядами самого П. Н. Ткачева и журнала «Русское слово», («Действительно, уж если знакомить публику с философией, то лучше всего знакомить ее по Льюису»), «... должна бы была появиться в русском переводе совсем не в том виде, в каком теперь она появилась» [2, с. 111]. Из нее, предлагает П. Н. Ткачев, надо было «... выкинуть все те мелкие биографические подробности, все те неважные частности и неинтересные рассуждения о различных микроскопических деталях, которыми Льюис так любит иногда блеснуть перед читателями. Тогда основная цель автора «Истории философии» выступила бы рельефнее, определилась бы яснее и несостоятельность самой философии, и в то же время самое издание книги значительно удешевилось бы, круг ее читателей расширился бы, и она сделалась бы и общепонятнее и общедоступнее» [2, с. 111].

П. Н. Ткачев, считал, что философия ставит перед собой «неразрешимые задачи», и «... блуждая в неведомом мире «причин и сущностей», недоступных человеческому пониманию», не имеет ничего общего с «положительной» наукой [2, с. 111]. Наукой она может быть названа разве только в насмешку. «... Отсюда не следует заключать, – пишет П. Н. Ткачев – как это многие делают, будто коренное различие между наукой и философией состоит в том, что первая черпает свои выводы из наблюдения фактов окружающей действительности, вторая – из глубины человеческого духа. И та и другая наблюдают факты и из этих наблюдений строят свои выводы. Разница только в способах отношения к этим фактам» [2, с. 111]. Как полагает П. Н. Ткачев: «Наука относится к ним критически, она не делает ни одного шага без анализа и проверки и, медленно подвигаясь вперед, всегда переходит от известного к неизвестному.

Совсем не то с философией: философия не может ни критиковать, ни поверять своих посылок. Посылки ее — вымыслы, и единственной гарантией этим вымыслам может служить только вера в непогрешимость ума философов» [2, с. 111]. Но чтобы возыметь веру в эту непогрешимость, русский революционер-народник считает, что «... нужно быть по меньшей мере идиотом. Ведь непогрешимость была до сих пор только уделом пап, а между папами и философами по мепыней мере такая же разница, как между вызывателями духов и канатными плясунами» [2, с. 111].

А между тем, без этой веры в непогрешимость философия, по мнению П. Н. Ткачева немислима. В этом отношении между философией и теософией нет и не может быть различия. «Вместо того чтоб объяснять мир окружающих, но еще неизвестных явлений с помощью каких-нибудь известных достоверных данных, — пишет П. Н. Ткачев — философ старается приискать для их объяснения невероятные гипотезы, о правдоподобности которых мы так же мало знаем, как и о самих явлениях» [2, с. 111].

Следующая пара — писатели-метафизики, авторы философско-консервативных романов — им противостоят писатели-«реалисты».

Этот тип «дикаря» ставится П. Н. Ткачевым на одну доску с философами. По мнению П. Н. Ткачева, «... к занятию философией нельзя относиться вполне индифферентно, как нельзя относиться индифферентно к полицейско-эротическим романам гг. Крестовского, Стебницкого (Н. С. Лескова — М. В.) или к художественно-бесцельным произведениям г. Толстого (имеется ввиду А. К. Толстой, автор, «Князя Серебряного». «Смерти Иоанна Грозного» и т. п. — М. В.)» [3, с. 541]. Как полагает публицист, и философия, и романы Крестовского и Стебницкого, и трагедии Толстого одинаково бесполезны, более того, они вредны. Они отвлекают ум от серьезной деятельности, от серьезных вопросов, «... они ослабляют его наркотическими вымыслами и не способствуют ни на одну йоту прогрессу мысли; напротив, они развращают эту мысль, дают ей такое направление, при котором она теряет способность к производительной деятельности. А между тем эта философия, эти романы и повести оплачиваются производительным трудом общества» [3, с. 541].

Одним из самых одиозных, но и самых успешных и талантливых идеологов этого направления в искусстве, П. Н. Ткачев считает Ф. М. Достоевского. Именно в силу своей неординарности и талантливости, Ф. М. Достоевский рассматривается П. Н. Ткачевым как чрезвычайно опасный противник. Рассмотрению творчества Ф. М. Достоевского П. Н. Ткачев уделяет особенно много места в своих работах.

Другой современный инвариант «дикаря» — поэт. П. Н. Ткачев перебрасывает исторический мостик от «миросозерцания первобытного фетишиста», через типы мистика и церковника к «миросозерцанию современного поэта». В них, по мнению революционера, «преобладает тот же тон». В обоих случаях «...мы видим то же господство мысленно-чувственной над мысленно-волевой реакцией». А если так, «то мы не можем не отнести его к одному типу с типом миросозерцания дикаря» [3, с. 542]. Мысля в категориях временности Прошлого, П. Н. Ткачев полагает, что на поэзию и искусство вообще нужно смотреть как на явление чисто историческое, временное, преходящее, имеющее свое основание лишь в «... недостаточности или, лучше сказать, в слабости умственного развития человечества».

Отсюда логика той же точки зрения заставляет нас признать, что с устранением этой «недостаточности» или этой слабости, с окончательным переходом человеческого ума из низшей стадии развития в высшую искусство, поэзия, в общепринятом смысле этих слов, должны исчезнуть из нашей цивилизации, как исчезла метафизика, эта переходная (и потому весьма недолго существовавшая) ступень от поэзии к науке или, как бы выразился Конт, от фетишизма к позитивизму» [3, с. 542]. Поэзии (Поэту), как и её предшественницам, — философии — метафизике и религии, противостоит Наука (Ученый).

Список литературы

1. Меринов В. Ю. Социально-историческая типология человека в публицистике П. Н. Ткачева // Научные ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки. № 13 (184). Вып. 22 – С. 218 – 222.
2. Ткачев П. Н. Льюис Д. Г. История философии от начала ее в Греции // Ткачев П. Н. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. Общ. ред. А. А. Галактионова, В. Ф. Пустарнакова, Б. М. Шахматова. Вступит. статья В.Ф. Пустарнакова и Б.М. Шахматова. – М.: Мысль, 1975. С. 109-115.
3. Ткачев П. Н. Идеализм и реализм в области права // Ткачев П.Н. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. Общ. ред. А. А. Галактионова, В. Ф. Пустарнакова, Б. М. Шахматова. Вступит. статья В. Ф. Пустарнакова и Б. М. Шахматова. – М.: Мысль, 1975. – С. 529 – 558.

SOCIAL HISTORICAL TYPES OF THE MAN IN TKACHEV'S PUBLICISM

V. Yu. Merinov

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
merinov@bsu.edu.ru*

The article continues the research of social-historical typology of the man in works of P. N. Tkachev, a narodnik, an outstanding revolutioner of the second part of the XIXth century.

Keywords: Tkachev, publicism, politics, typology.